телей, вроде Стефана Наумова, жаловавшегося на порядки в Ферапонтовом монастыре. Но, несомненно, его сатира выходит далеко из рамок узко местных: картина пьянства, набросанная им по своим наблюдениям, оказалась такой яркой, что весь следующий век читает и переписывает «Калязинскую челобитную», не ощущая ее устарелой. Мало того — в середине века появляется ее лубочное издание.

Есть ли необходимость связывать это издание, как сделал Ровинский, с агитацией в пользу закона о передаче государству монастырских и церковных земель? Думаю, что нет. Секуляризация церковных имений подготовлялась уже давно, и Екатерина, временно отменившая произведенное Петром III изъятие церковных вотчин из ведения духовной власти и уверявшая — «не имеем мы намерения и желания присвоить себе церковные имения», — через два года решительно экспроприировала церковь. Нам нет необходимости в данный момент останавливаться на причинах этой экспроприации. Достаточно отметить, что протеста можно было ждать только со стороны материально заинтересованного в сохранении за церковью земельных владений высшего духовенства. Но и оно, крутой мерой лишенное материальной базы, замолкло, если не считать единственного протестующего голоса Арсения Мацеевича.[1] Между тем «Калязинская челобитная», изображающая пьянство монастырской братии, совершенно не трогала образа жизни этих церковных феодалов, и в этом смысле вряд ли могла быть выгодна как предварительное агитационное средство в пользу отнятия земель. Никаких данных, что запротестуют против него монастырские крестьяне, у правительства не было; им и под монастырской рукой жилось несладко, как показывают их жалобы на «насильства» со стороны этих хозяев и многочисленные крестьянские волнения, захватившие и монастырские вотчины. Точно также и городское население, которое наравне с крестьянством было главным потребителем лубочных изданий, было мало заинтересовано в предстоящей реформе, и Екатерина вряд ли стала бы заботиться о пропаганде своих идей по этому вопросу среди этих общественных слоев. Скорее всего можно предположить другое. Указы и запрещения касались в это время, главным образом, лубочных священных изображений, в которых было заинтересовано духовное ведомство. Листы же светского содержания, по наблюдениям Забелина, «предоставлены были полнейшему произволу их сочинителей и свободно распространяли в народе свои остроумные шутовские, а иногда и очень цинические,

[1] Н. М. Никольский. История русской церкви, 1930, стр. 144—146.